

ВЕРОНИКА РОТ,
КАССАНДРА КЛЭР, ЛИ БАРДУГО,
ДЖЕННИ ХАН, И ДРУГИЕ...

12
новых
историй
о настоящей
любви

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д23

Summer Days & Summer Nights Twelve Love Stories

*Печатается с разрешения авторов, редактора
и литературных агентств KT Literary, LLC
и Prava I Prevodi International Literary Agency*

12 новых историй о настоящей любви

Д23 12 новых историй о настоящей любви / пер.
с англ. П. Киселевой. – Москва: Издательство АСТ,
2017. – 512 с.

ISBN 978-5-17-103644-7

Кассандра Клэр, Холли Блэк, Вероника Рот, Лев Гроссман и другие написали чудесные истории о лучшем чувстве на земле. И теперь у вас есть двенадцать прекрасных поводов, чтобы влюбиться эти летом.

Озеро, где плавает серебристый морской змей или школьный стадион, карнавал ужасов или спа-курорт, город, в котором остановилось время, или фуникулер, — влюбиться можно где угодно. Главное, чтобы это произошло летом!

**УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-103644-7

Copyright © 2016 by Stephanie Perkins
HEAD, SCALES, TONGUE, TAIL' Copyright © 2016 by Leigh Bardugo
"THE END OF LOVE" Copyright © 2016 by Nina LaCour
"LAST STAND AT THE CINEGORE" Copyright © 2016 by Libba Bray
"SICK PLEASURE" Copyright © 2016 by Francesca Lia Block
"IN NINETY MINUTES, TURN NORTH" Copyright © 2016 by Stephanie Perkins
"SOUVENIRS" Copyright © 2016 by Tim Federle
"INERTIA" Copyright © 2016 by Veronica Roth
"LOVE IS THE LAST RESORT" Copyright © 2016 by Jon Skovron
"GOOD LUCK AND FAREWELL" Copyright © 2016 by Brandy Colbert
"BRAND NEW ATTRACTION" Copyright © 2016 by Cassandra Clare, LLC.
"A THOUSAND WAYS THIS COULD ALL GO WRONG" Copyright © 2016
by Jennifer E. Smith Inc.
"THE MAP OF TINY PERFECT THINGS" Copyright © 2016 by Lev Grossman
© П. Киселева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Посвящается Джерроду —
моему лучшему другу
и истинной любви*

Ли Бардуго

Голова, чешуя, язык и хвост

Голова

Об Анне-Ли Саперстейн и о том, почему она приехала в Литл-Спиндл, ходило множество слухов, но Грейси особенно нравилась версия про жару.

В 1986 году лето в Нью-Йорке выдалось таким невыносимо жарким, что все, кто мог себе это позволить, поспешили уехать из города. Тротуары плавились от жары, одного мужчину нашли мертвым в ванне, а у его волосатых колен плавал электрический вентилятор. Городская электросеть то и дело отключалась, мерцая, как облепленный мошками фонарь. В Верхнем Ист-Сайде, в квартирах над булочными, кулинарными, универсамами «Вулвортс» и гастрономами «Ред Эпл», люди спали поверх простыней, посасывали завернутый в носовые платки лед и шире распахивали окна в надежде на дуновение ветра. Вот почему, когда жаркой июльской ночью Гудзон вышел из берегов и отправился на поиски приключений, окно в спальне Рут Блонкси, подпертое помятой обувной коробкой, оказалось открытым.

Ли Бардуго

В тот день Рут гуляла с друзьями в Риверсайд-парке, ела лимонный лед и щеголяла новым сарафаном цвета спелой хурмы. Вообще-то это была старая ночнушка, которую она собственноручно перекрасила, потратив две пачки краски и добившись весьма неоднозначного результата. Уже несколько дней подряд обещали дожди, но небо все еще тяжело нависало над городом вздувшимся пузом туч и отказывалось разродиться. Покрываясь испариной, Рут перегнулась через перила, глядя на вспучившуюся поверхность реки, тусклую и темную под затянутым тучами небом. У нее возникло жутковатое ощущение, что вода тоже посмотрела на нее.

Вдруг с маленькой розовой ложечки в руке Рут скатилась капля мороженого, холодным язычком лизнув ее запястье, и тут Марва Эллсбург окликнула ее:

— Пойдем в «Джейбис» смотреть пластинки!

Рут слизнула лимонную каплю с руки и перестала думать о реке.

Однако той ночью, когда она проснулась на скомканных и мокрых от пота простынях, ей сразу же вспомнилось то липкое прикосновение. Она уснула в одежде, влажный сарафан прилип к животу. Тело под ним пылало от смутных воспоминаний о речном боге — мускулистой фигуре с серой кожей в сине-зеленую крапинку, грациозно лавировавшей в бурном потоке сна. На губах остался привкус недавнего поцелуя, а голова кружилась, будто она слишком резко вынырнула с большой глубины. Уши у нее заложило, и немало времени утекло, прежде чем это прошло, а в нос ударил знакомый мшисто-металлический запах мокрого бетона. Наконец она сообразила, что за звук доносится сквозь открытое окно: дождь размеренно барабанил

Голова, чешуя, язык и хвост

по предрассветным улицам. Небо наконец разродилось.

А девять месяцев спустя Рут родила дочку с глазами цвета речного ила и волосами-водорослями. Когда отец выгнал Рут из дома, выкрикивая вслед проклятия на польском и английском и бросаясь угрозами в адрес пуэрториканца, с которым Рут ходила на бал в предпоследнем классе, Анна-Ли Саперстейн приютила ее у себя, невзирая на злобное кудахтанье соседей. Анна-Ли работала в круглосуточной прачечной самообслуживания. Никто толком не понимал, когда она спит, поскольку в любое время дня и ночи ее можно было застать сидящей с кроссвордом в свете флуоресцентных ламп, под шум и жужжание стиральных машин. Джоуи Пастан однажды нагрубил ей, когда у него кончились четвертаки, и потом клялся, что сушилки злобно на него зарычали. Так что никто не удивился, когда Анна-Ли поверила Рут Блонкси. А когда, стоя в очереди в кулинарии «Питлиц», Анна-Ли врезала отцу Рут полуфунтовым свертком только что купленной тонко нарезанной солонины и заявила, что от речных духов не убережешься, никто не решился с ней спорить.

Дочка Рут наотрез отказывалась от молока и пила только соленую воду, а ела исключительно устрицы, моллюсков и речных раков, которые приходилось целыми ящиками доставлять в тесную квартирку Анны-Ли. Впрочем, судя по всему, это пошло ей на пользу: зеленоглазая малышка превратилась в девушку сногшибательной красоты. Однажды, переходя Амстердам-авеню, она попала на глаза сотруднику модельного агентства и вскоре стала знаменитой моделью, прославившись своими пухлыми чувственными губами и русалочьей

Ли Бардуго

пластикой. Она купила матери пентхаус на Парк-авеню, на стены которого они повесили картины, изображавшие пустынные цветы и пересохшие русла рек. Анне-Ли Саперстейн они подарили кругленькую сумму, которая позволила ей бросить работу в прачечной и перебраться в Литл-Спиндл, где она открыла закусную «Дэйри Квин».

Такова была одна из версий появления Анны-Ли Саперстейн в Литл-Спиндл, и Грейси она казалась вполне логичной. С чего бы еще Анне-Ли выписывать французский и итальянский «Вог», если она в жизни не носила ничего, кроме задрипанных синтетических платьев и сандалий с носками?

Поговаривали, что Анна-Ли обладает неким особым знанием. Вот почему Донна Бэйквелл отправилась к ней в то лето, когда ее терьера сбила машина и она плакала не переставая, даже во сне, по дороге в продуктовый за консервированной фасолью или отвечая на телефонный звонок. Звонившие ей слышали на другом конце провода лишь рыдания и всхлипы. Однако разговор с Анной-Ли каким-то образом сотворил то, чего не сумели добиться врачи и таблетки, и слезы Донны наконец иссякли. Поэтому же и Джейсон Майло, который не мог отделаться от мысли, что бывшая жена прокляла его новенький пикап, отправился однажды ночью в закусную к Анне-Ли. И именно поэтому, когда Грейси Мишо увидела в озере Литтл-Спиндл нечто, удивительно похожее на морское чудище, она тоже обратилась к Анне-Ли Саперстейн.

Грейси сидела на берегу в небольшой бухточке, которую считала своим личным убежищем: это была небольшая выемка в скалах с южной стороны озера, которая, казалось, ни-

Голова, чешуя, язык и хвост

кого больше не интересовала. Для любителей позагорать там было слишком тенисто, а столов для пикника и веревочных качелей, на которые туристы летом слетаются как мухи, там не было. Она бросала камушки в воду, изо всех сил стараясь не ковырять ссадину на коленке, чтобы ноги хорошо выглядели в джинсовых шортах, которые она укоротила в свой четырнадцатый день рождения, но, услышав всплеск, все же не смогла удержаться. Из-под воды один за другим показались три бугорка, образовавшие миниатюрный блестящий горный кряж. Потом они исчезли, а за ними мелькнул — Грейси отказывалась верить собственным глазам — самый настоящий хвост!

Грейси попятилась к соснам и с трудом поднялась на ноги. Сердце бешено стучало в груди. Она ждала, что водная гладь снова расступится и на песок выползет нечто гигантское и чешуйчатое, но ничего не произошло. Она ощутила во рту солоноватый привкус крови: прикусила язык. Она сплонула, вскочила на велосипед и принялась отчаянно крутить педали, устремившись по бугристой тропинке к главной дороге, а потом с грохотом промчалась через весь город.

Впрочем, путь был недлинный: городок-то был всего ничего. Мини-маркет, автозаправка с единственным в городе банкоматом, ветеринарная клиника, несколько сувенирных магазинчиков и старый бизнес-клуб, превратившийся в библиотеку после того, как десять лет назад затопило библиотеку в соседнем городе Грейтер-Спиндл. В Литл-Спиндл не было ни такого оживленного трафика, ни такого скопления нарядных домов, как в Грейтер-Спиндл: лишь скромные коттеджи в аренду да одна захудалая гостиница. Несмотря на большое

Ли Бардуго

озеро и вполне годные земли вокруг него, люди почему-то предпочитали держаться подальше от Литтл-Спиндл.

Издали озеро выглядело довольно симпатично, посверкивая в просветах между соснами голубыми сполохами и яркими отблесками солнечного света, отражающегося от водной глади. Но по мере приближения к нему настроение начинало ухудшаться, а у кромки воды становилось совсем мрачным. Можно было уговорить себя пройти по пляжу, покачаться на качелях из старой крыши, но стоило отпустить веревку и зависнуть на долю секунды над водой, становилось абсолютно ясно, что это чудовищная ошибка и что, погрузившись под воду, ты исчезнешь навсегда. И что это озеро — не озеро вовсе, а жадная зловещая пасть. На некоторых этот эффект вроде бы не действовал, но многие отказывались и пальцем коснуться воды.

Единственным местом, где дела круглый год шли хорошо, была закусочная «Дэйри Квин», хотя всего в нескольких километрах находилась еще одна такая же. Почему Анна-Ли решила открыть свое дело в Литтл-Спиндл, а не в Грейтер-Спиндл, оставалось загадкой для всех, кроме нее самой.

В тот день Грейси не отправилась напрямую в «Дэйри Квин» — во всяком случае, не сразу. Она доехала до самого дома, бросила велосипед во дворе и уже взялась за ручку входной двери, как вдруг спохватилась. Эрик и ее мама предпочитали проводить воскресные дни на заднем дворе, разлегшись на пластиковых шезлонгах и держась за руки, как пара морских котиков на лежбище. Они оба допоздна работали в больнице в Грейтер-Спиндл и все выходные посвящали любимому хобби — сну.

Голова, чешуя, язык и хвост

Грейси замерла, протянув руку к двери. Ну что она скажет матери? Своей усталой матери, которая выглядит встревоженной даже во сне? Там, у озера, Грейси на мгновение снова превратилась в маленькую девочку, но ведь ей уже четырнадцать. Нужно самой во всем разобраться.

Она снова села на велосипед и медленно, задумчиво поехала куда глаза глядят. Уверенность в том, что она видела, то, что видела, постепенно улетучивалась, будто ее выпаривало солнце. Что же она видела на самом деле? Может, это была рыба? Косяк рыб? Но, видимо, подсознание само вело ее куда нужно — доехав до «Дэйри Квин», она свернула на парковку.

Анна-Ли Саперстейн по обыкновению сидела за столом у окна, разгадывая кроссворд, рядом с ней стояла вазочка с подтаявшим арахисовым парфе. Грейси плохо знала Анну-Ли, но любила слушать рассказы о ней, а мать часто посылала ее позвать старушку на ужин.

— Она старая и одинокая, — говорила мама. — Ей будет приятно.

Мама размахивала пальцем у нее перед носом, будто дирижируя невидимым оркестром, и приговаривала:

— Никому не нравится одиночество.

Грейси старалась не закатывать глаза. Правда старалась.

А теперь она уселась на жесткое красное сиденье напротив Анны-Ли и спросила:

— Вы знаете что-нибудь про Иджи-Пиджи?

— И тебе не хворать, — проворчала Анна-Ли, не поднимая глаз от кроссворда.

— Извините, — смутилась Грейси. Она хотела уже рассказать про свое странное утро, но вместо этого спросила: — Как ваши дела?

— Пока не померла. Ты причесываться не пробовала?

Ли Бардуго

— А толку-то, — Грейси попыталась собрать блестящие черные волосы в хвост. — Мои волосы не поддаются дисциплине.

Она немного помолчала и снова задала вопрос:

— Так что насчет чудища в озере?

Грейси знала, что она не первая, кто утверждает, будто видел в озере *нечто*. Было несколько случаев в шестидесятые и семидесятые, хотя, по словам мамы, дело было в том, что тогда все поголовно баловались наркотой. Городской совет даже попытался превратить эти слухи в туристическую достопримечательность, дав чудищу ласковое прозвище Иджи-Пиджи и изобразив дружелюбного лупоглазого морского змея на табличке «Добро пожаловать в Литтл-Спиндл». Трюк не сработал, но очертания чудища при въезде в город можно было различить до сих пор, а пару лет назад кто-то пририсовал ему гигантский фаллос. Три дня, пока городские власти не заметили непристойное изображение и не велели его закрасить, казалось, будто Иджи-Пиджи совокупляется с последней буквой «л» в слове «Спиндл».

— Ты про Лохнесское чудовище? — спросила Анна-Ли, глянув на Грейси сквозь толстые стекла очков. — Да у тебя, похоже, солнечный удар.

Грейси пожала плечами. Она всю жизнь так и жила — от одного солнечного удара до другого.

— Я про наше чудище в озере. — На Лохнесское чудовище оно было не похоже: форма совсем другая. Скорее уж похоже на ту придурковатую змеюку на табличке.

— Спроси того парня.

— Какого?

— Не знаю, как его звать. Из отдыхающих. Приходит сюда каждый день в четыре, за мороженым в вишневой глазури.

Голова, чешуя, язык и хвост

Грейси скривилась.

— Вишневая глазурь — мерзость!

Анна-Ли наставительно потрясла ручкой перед лицом Грейси.

— Зато продается хорошо.

— Как он хоть выглядит?

— Тощий. С большим фиолетовым рюкзаком. Белобрысый.

Грейси разочарованно откинулась на спинку сиденья.

— Илай?

Грейси знала большинство ребят, которые приезжали отдыхать в Литтл-Спиндл. Почти все они общались между собой. Родители приглашали друг друга на барбекю, а подростки передвигались по городу шумными стайками на велосипедах-внедорожниках, ездили на озера, тусовались в закусочных, а ближе к Дню труда заходили в сувенирные лавки, чтобы купить кепку или брелок. Но Илай держался особняком. Похоже, его семья снимала дом где-то с северной стороны озера, потому что каждый год в мае можно было видеть, как он шагает по главной дороге на юг в полосатых шортах, которые ему явно велики, выцветших кедах «Ванс» и с фиолетовым рюкзаком за спиной. Он заходил в библиотеку и торчал там целыми днями в одиночестве, а потом снова взваливал на плечи свой рюкзакище и тащился обратно, как гигантская белобрысая гусеница, а по дороге непременно заглядывал в «Дэйри Квин» — как теперь выяснилось, за мороженым в вишневой глазури.

— А что с ним не так? — спросила Анна-Ли.

Объяснить было трудно. Грейси пожалала плечами.

— Да просто он мерзкий какой-то.

— Живое воплощение вишневой глазури?